

«всякими жуками». Учитель уточняет, что Иоанн в пустыне питался акридами, то есть саранчой, и диким медом. И рассказывает, что однажды был на Мадагаскаре, где едят саранчу, и там ее попробовал — и это «абсолютно невкусно», но в пустыне больше ничего не было³. Но и Глеб, который сказал, что Иоанн так питался в знак покаяния, тоже прав. И вот уже девочка формулирует, что такое покаяние: «Покаяние — это когда человек кается в каком-то грехе, он рассказывает о нем, и грех, как гиря, падает с него».

Читаю и думаю: если бы наши дети с ранних лет знали, что такое покаяние, может быть, история страны не была бы такой кровавой и не возвращалась бы регулярно к своей прежней траектории?

А вообще, книга «Монах в карантине» дает бесконечную пищу для ума. Прочитайте — и убедитесь.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ЕЛЕНА КРЮКОВА: СМЕРТЬ И ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Елена Крюкова в своем романе «Хоспис»⁴ продолжает начатое в ее прежних произведениях исследование бытия. По глубине постигнутого и разнообразию подходов она уже превзошла Достоевского.

Весь роман «Хоспис» — это четырехсотстраничная метафора *возвращения блудного сына*, где сын, сбежавший из дома еще ребенком, возвращается, будучи мужчиной в годах и смертельно больным. Но, как ни странно, об этой притче мы говорить не будем.

Есть разные точки зрения на то, что отличает человека от животного, но ближе всего к истине, на мой взгляд, та, которая считает, что человек означает бытие. С этим тезисом согласна и Библия: «В начале было Слово». Человек придумал слова: стол, стул, целовать, застолбив таким образом семантические координаты, вокруг которых он научился мыслить. Дальше — больше, он начал обозначать концепты, например декартовское деление человека на телесное и духовное. И при разделении подобным образом появилась возможность анализировать антропологическую эволюцию.

Елена обозначает целые семантические континенты-романы.

Если раньше живопись репрезентировала реальность, то в девятнадцатом веке поняли, что в живописи, как в языке, есть алфавит, и его можно изучать: кубизм Пикассо, супрематизм Малевича и т. д. Живопись раскладывали на атомы, на молекулы, на целые ткани. Как писал Кассирер, создатель понятия *символической формы*, если раньше атомом смысла было слово, то постепенно единицей смысла стало предложение. Крюкова превращает в единицу смысла целый роман. Если в русском языке 33 буквы, порядка пятисот тысяч слов, то сложно представить, сколько атомов-романов в нем содержится. И Елена ищет их и находит.

Елена вышла из-под чар действительности, фокусируя взгляд на конкретной семантической области и взламывая ее, как солнце весной взламывает лед на реке, запуская ледоход. Если Декарт разложил человека на душу и тело, то можно продолжить эту иерархию и разложить тело на ткани и скелет, наверняка можно продолжить такой ряд и с душой. Если обычный роман содержит в себе всего понемногу, то роман «Хоспис» — это непрерывное бряцание костями, которые, в свою очередь, являются символом смерти.

³ Можно вспомнить, что Николай Вавилов, великий биолог и путешественник, во время многомесячных экспедиций питался саранчой.

⁴ Елена Крюкова. Хоспис: Роман. Екатеринбург: Ридеро, 2019.

Роман «Хоспис» — это гимн смерти.

Один из главных героев, Матвей, говорит: «В жизни есть только смерть. Да, только смерть. Я это понял». Где-то в романе звучит другая мысль, что нужно учиться не жить, а умирать. Это важная, тяжелая мысль, к которой нужно многократно подходить с разных сторон, чтобы хотя бы на долю процента осознать ее.

Вспоминается роман Владимира Савченко «Открытие себя», в котором главный герой, клонируя собственную персону, растворял очередной клон, поскольку тот, на его взгляд, не получался. И когда в очередной раз опыт, по мнению экспериментатора, удался и герой позволил клону ожить, тот выпрыгнул из ванны, упал на пол и молил ученого не убивать его больше. Таким образом, автор показывает, что, несмотря на независимость этих клонов, они все же связаны посредством памяти универсума. Я здесь не буду рассуждать на тему боли и страха небытия, интереснее ужас прихода в ту же точку, из которой ты начинал движение, и, соответственно, возникает вторая важная мысль, вытекающая из мысли о смерти, — это мысль о природе времени.

У Лакана, ученика Фрейда и основателя современного психоанализа, есть интересный концепт, называемый *стадией имаго*, когда ребенок начинает рефлексировать и распознавать себя. В природе так назван процесс превращения гусеницы в бабочку. А теперь представьте, что вместо бабочки каждый раз появляется снова гусеница, то есть бабочку каждый раз убивают. У меня создалось впечатление, что это одна из метафор, заложенных в роман «Хоспис». Главный герой Марк — супергерой, который чудесным образом выживает на зоне, много раз уходит из-под пули и ножа преступников, сбегает от террористов в Ливии, остается невредимым после падения самолета у берегов Америки и сильнейшего землетрясения в Мексике. И Господь, оставляя его живым, каждый раз надеется, что в этот раз получится бабочка, но герой только краешком преобразуется, и тут же энтропия добывает небольшое преобразование, возвращая спираль в круг — звериное вновь начинает преобладать. Иными словами, Марк — анти-Иов, у которого каждый раз все забирают, а он вновь отряхивается и идет дальше, нисколько не меняясь: «...а время рядом идет. Тяжелый такой поступью. Шагает как слон. Под его ногами, под его ступнями гибнет все живое. Гибнут люди, звери. Дома. Города. Стоят мертвые города, осыпаются пылью».

Но можно взглянуть на это по-другому. Данте в своей гениальной «Божественной комедии» проводит главного героя по девяти кругам Ада, но этот поход, в котором героя сопровождает Вергилий, символ разума, может явиться метафорой похода к любви. Что, собственно, и происходит в «Божественной комедии», где в дальнейшем пути, уже в Раю, героя сопровождает Беатриче, символ любви. То есть каждый круг, который нам со стороны кажется замкнутым, на самом деле в другом измерении разомкнут и представляет собой сложную спираль. И тогда, чтобы научиться любить, нужно пройти все девять кругов Ада и Чистилище — хоспис, может быть, в течение даже не одной жизни.

Но и наоборот, прямая — это еще более страшная траектория, прямая отрывает от корней и оставляет без прошлого. Если цикл страшен отсутствием времени, то прямая — это время в чистом виде. Поэтому каждого тянет к концу жизни на родину, в Рай, и поэтому возникла метафора *блудного сына*.

Кроме того, каждый индивид участвует во множестве циклов разных иерархий, и их все нужно в той или иной мере замкнуть. Имеются ежедневные циклы, есть циклы становления, и есть жизненный цикл, и Елена все их распознает, включая главный, жизненный цикл: «...он медленно и постепенно становился землей, родной землей, и стал плоть от плоти ее, и стал кость от кости ее».

У Лакана есть еще концепт, что мы состоим из *других*, что мы мыслим набором паттернов, которые мы переняли у *других*: сперва у родителей, потом у бабушек, дедушек, потом друзья, школа и т. д. Иными словами, мы в некотором смысле воры, мы

крадем у других их духовность. И эта мысль остро прослеживается у Елены при попытке понять Марка: «...я грабил... и становился тенью того, кого грабил. Я... ему... им... подражал. Я сам... не осознавал этого... тогда. Сейчас... знаю... Подражал, чтобы... стать как они... стать — ими...» — или еще: «...вот они почему бывают-то, воры. Они мечтают — прожить — не свою жизнь. Хотят прожить — сотню, тысячу чужих жизней». Но здесь есть важная разница: если вор украл вещь, то он оставил владельца без его вещи, если украли мысль, то она клонировалась и появилась в двух вариантах — у владельца и у вора. Причем, и это тоже важно, они не совсем одинаковые, они окрашены субъективностью носителя. Достаточно вспомнить слова Иешуа Га-Ноцри из романа «Мастер и Маргарита»: «...ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил».

В некоторый момент я выложил в сетях пост из цикла «Диаграммы метафизики», где сообщалось, что человек, страстно любящий жизнь, вряд ли создаст что-то по-настоящему новое. Новое может создать тот, кто любит смерть, поскольку все новое рождается из небытия, и такой человек всегда несколько сумасшедший. И эта мысль коррелирует с финишным заикливанием романа, где в итоге оказывается главным героем не вернувшийся сын, а лечивший его отец. И тот срок, на который отец продлил жизнь Марка, позволил сыну осознать все свои ошибки и принять такую жизнь, которая состоялась. Это позволило перейти сыну на белую сторону. И это — сильнейшая мысль, что необходимо бороться до тех пор, пока еще жизнь теплится, и что срок отпущен не зря и не впустую.

Таким образом, есть надежда, что роман Крюковой, насыщенный глубокой метафорикой разных уровней и такими же глубокими смыслами, позволит состояться стадии Имаго читателя и преобразиться ему из гусеницы в бабочку.

Михаил СТРИГИН

ПИСАТЕЛЬ — ЭТО СЛОВАРЬ

Появилась третья книги прозы⁵ Веры Григорьевны Резник, члена Союза писателей Санкт-Петербурга, известного переводчика испаноязычных авторов, среди которых Хорхе Луис Борхес, Мигель де Унамуно, Ортега-и-Гассет и множество других. Известна Вера Григорьевна и как блестящий преподаватель Университета культуры и искусств, чей курс лекций по зарубежной литературе назван одним из лучших. Сборник ее лекций уже трижды переиздавался с неизменным успехом.

Но очевидно, что работа с чужими текстами не исчерпывает до конца творческий потенциал Веры Резник, ведь мы видим выходящей уже третью книгу собственной прозы Веры Григорьевны. Ей принадлежит афоризм, что писатель — это словарь, выстраивающий мир. Творить мир по своим законам тому, кто умел подчиняться воле других авторов, проникая в их сознание, следуя их путями, это, наверно, один из сладчайших соблазнов, доступных филологу, это почти попытка к бегству в собственную вселенную. И я склонна всячески приветствовать такое стремление, потому что счастлива от чтения текстов, в которых так значимо точно найденное слово, ощущается игра со стилем дорогих мне писателей, которые как бы просвечивают сквозь прозу автора, высекая из меня изумление и радость от узнавания и вместе обретения новых смыслов от этой игры. Чехов и Тургенев, Набоков и Платонов — я их слышу, читая при этом виртуозного современного писателя. Как важно, чтобы тексты вбирали

⁵ В. Резник. Петровская дюжина. СПб.: РХГА, 2021.